

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УХОДИТ

Магнитофонная запись с поминок по Ролану Быкову

Независимая газета. — 1998. — 20 нояб. — с. 16

Галина Калинина

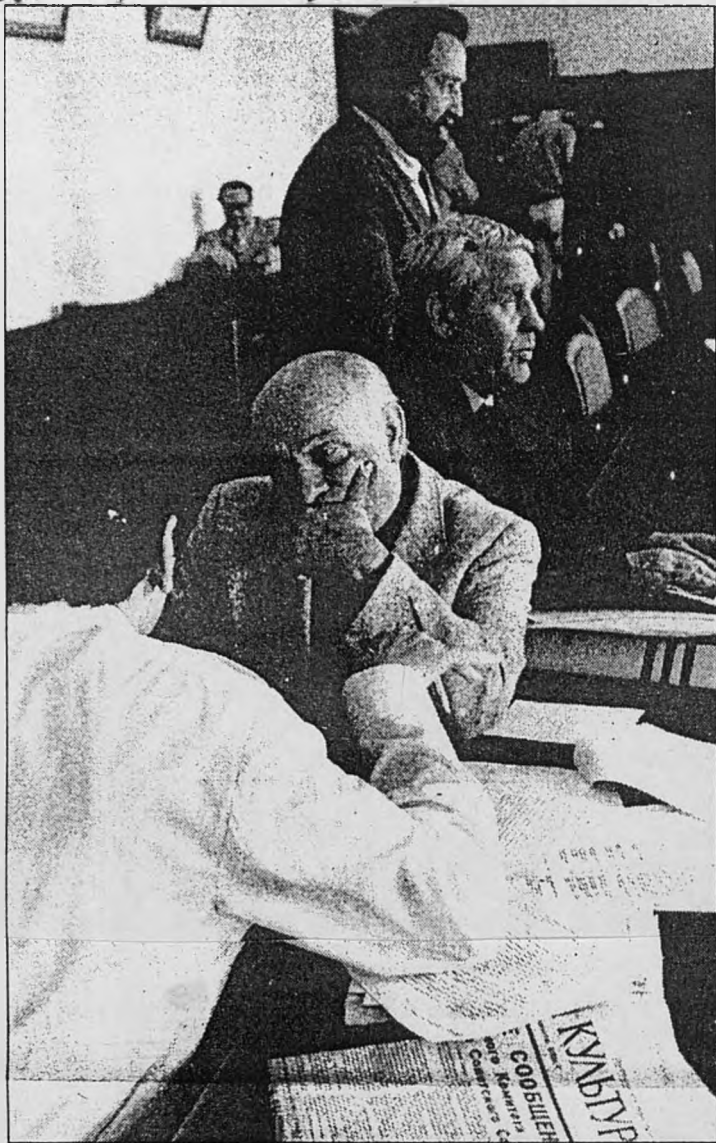
ПО ОБЫЧАЮ, на девятый день после кончины Ролана Быкова его вдова Елена Санаева собрала друзей мужа на поминки. Подняли рюмки, выпили не чокаясь за помин души. Помолчали. С цветной фотографии — без черного обрамления — на нас смотрел живой Быков. Савва Кулиш предложил: «Пусть каждый расскажет свою историю, связанную с Роланом. Потому что у каждого из нас, поверьте, был свой Быков». Каждый вставал и вместо тоста вспоминал историю про *своего* Быкова. Когда я включаю диктофон и слушаю эти рассказы, никто не догадывается, что кручу магнитофонную пленку с поминок — из-за смеха порой трудно разобрать голоса... Мне кажется, если бы Ролану Антоновичу пришла в голову шальная мысль снять фильм о своих поминках, он бы такой сценарий одобрил.

А КУДА ДЕНЕШЬСЯ?

К слову, с необходимостью «одобрямс» сценариев на высоком уровне он был знаком, как никто другой. «До «Чучела» ему лет восемь ничего не давали снимать, — вспоминает Елена Всеволодовна. — Один замысел закапывали, другой, третий... Когда он принес на киностудию сценарий «Чучела», то сразу же предупредил, что без сцены сожжения делать фильм не будет. Потом и директор студии Сизов, и Ермаш уговаривали Ролана вырезать этот эпизод. Он заявил, что сам резать не будет, «а если кто зайдет этого в монтажную — убью прессом для склейки пленок».

«Лето. Жара, — вспоминает кинорежиссер Савва Кулиш. — Ролан читает гигантские куски разных сценариев и не знает, на чем остановиться. В это время мне дарят книгу, которая называется «Чучело». Я ее прочитал, и она меня совершенно поразила. А тут звонит Ролан и сетует, что ему не дают делать то, не разрешают это... Я ему сказал, что есть замечательная повесть. «Кто написал?» — «Владимир Железников», — отвечаю. «Не знаю такого!» — «Как это не знаешь? Он написал «Чучело из пятого «Б». — «А-а-а. Тогда знаю. Ну хорошо, я возьму почитать», — отвечает Ролан, берет повесть и — не читает. Проходит день. Второй. Третий. На четвертый я звоню и спрашиваю мнение о книге. «Ну, изучаю. Вообще-то ничего, но как-то...» И большая пауза. Что происходило потом, я узнал от Лены, потому что сам Ролан об этом никогда не рассказывал. Оказывается, первым, кто прочитал книгу, был Паша. Можно сказать, произошло это при драматических обстоятельствах. Дело в том, что ему не разрешали читать ночью, и в конце концов он нашел место, где можно спастись от семьи. Ребенок заперся в туалете. Лена умоляла его выйти, но сын сидел там чуть ли не сутки. Короче говоря, наконец, открылась дверь и Паша вышел-таки. Со слезами на глазах. Тогда книгу прочла и Лена. Ролан сказал: «Ну, если вы так считаете, хорошо, я прочитаю».

«...Я книжку прочла, — продолжает рассказ Кулиш Елена Всеволодовна, — и говорю Ролану: что ты маешься? Мне кажется, вот что надо снимать, это твоя вещь. Мы жили в маленькой квартирке на «Аэропорте», я уснула при свете, а Ролан взялся за повесть. Часа в три ночи он с силой запустил книгу в потолок. Я сквозь сонную дрему спросила: «Ну что, ты прочел?» — «Да». — «Будешь ставить?» Он ответил: «А куда денешься?»

В те далекие советские времена...
Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

МЫ СЫГРАЕМ НА ТРОИХ

«Закончив школу с грехом пополам, я в теннисных тапочках и в отцовской шинели (отца не стало в тридцать седьмом) в шесть часов утра шел по Чкаловскому проспекту и думал о том, что пойду поступать в Высшее техническое училище, — рассказывает народный артист СССР Артем Михайлович Иноземцев из Русского театра в Вильнюсе. — И в это время навстречу мне вышли два бандита — Ролан со своим вечным тогдашним атташе Виктором Соколовым. Мы встретились минут через десять. Ролан — он всегда считал меня слишком длинным — смотрел на меня немного снизу и кричал оттуда: «Ты что, с ума сошел? Надо по-осту...» Он тогда заикался сильно, потом это у него прошло — каким образом? — я не понимаю. «Надо идти в театральное», — кричал в меня Ролан. — Ты нам поможешь, мы сыграем на троих вот это и вот это...»

И мы пошли. Едва мы появились втроем во МХАТе, нас моментально выставили оттуда. Ролан повернулся и громко сказал: «Они об этом когда-нибудь пожалеют». Я его одернул: «Брось ты громко говорить такие вещи». Потом мы попали еще куда-то, потом — еще, а потом оказались в ГИТИСе. Виктор Соколов — такой яркий, черноглазый, темпераментный красавец. Его, значит, тут же приняли. Что-то такое неясное обронули по моему адресу. А Ролану прямо сказали, что его не возьмут. И сказал это человек, который до этого сидел... в комиссии по приему во МХАТ. А потом мы пошли в Вахтанговское. Там у меня спросили аттестат. Я откровенно сказал, что отдал его в ГИТИСе, и в этот момент резко дернулся всем телом, потому что Ролан сильно рванул

меня за рукав и зашипел, чтобы я помалкивал.

...Ролан в Вахтанговское принял. Потом я слышал несколько раз рассказ о том дне от разных людей, слышал его вариации. А потом Ролан пришел к нам, в ГИТИС, ко второму туру (поболеть за меня). А у меня положение было аховое. Я ушел из дома, ну, там так получилось... Короче говоря, моей фамилии в списках не было. В тот день 604 человека пытались стать артистами. Приняли 34. Но меня в списках не было. Я стоял на третьем этаже, а где-то далеко-далеко внизу маячила земля. Там стоял Ролан и кричал в меня: «Иди сюда!» Думаю, зачем я пойду? Он принял, а я — нет. Я шел вниз и думал, как ему хорошо. Ролан спросил: «Что у тебя с лицом?» Я ответил, что нету меня в списках.

— Как нет?! Шас я пойду проверю. Это было настолько нелепо, что я ушел. Вышел из института и пошел по переулку. Но так получилось, что, дойдя до Театра революции, я повернулся и пошел назад. Опять подошел к институту. Дверь открылась. Оттуда вышел Ролан:

— Иди сюда. Иди в свой институт.

Я вошел. Женщина с обиженным лицом дописывала мою фамилию. Я спросил Ролана: — Как ты это сделал?

— Я ничего не делал. Она просто пропустила твою фамилию. Понимаешь, про-пу-сти-ла. Ты четче танцевать умеешь?

— Не знаю. Давай попробуем. И мы стали танцевать четкетку. Вышел заместитель директора и сказал: «А вот это в нашем учебном заведении надо прекратить».

Так закончился этот счастливый день.

«Артем, ты не сказал, что, когда вас не приняли во МХАТ, Ро-

лан был на грани самоубийства, — дополнила Иноземцева Елена Всеволодовна. — Он стоял около «Националя», там тогда ходил трамвай, и ясно видел, как бросается под колеса на рельсы. И вдруг почувствовал твою руку на своем плече. Ты протянул ему надкусанное яблоко, почему-то авторучку и этим спас ему жизнь».

ЗДРАВСТВУЙ, ЭТО — Я!

О мужской дружбе в тот печальный, девятый, день говорили много. Савва Кулиш вспомнил, как праздновали семидесятилетие режиссера Фрунзика Довлатяна в прошлом году. В Армении тогда не было света, тепла, в скверах рубили деревья на дрова. И вдруг Фрунзика приглашают на Выборгский фестиваль и он узнает, что там будет праздновать его юбилей. Ролану об этом сказали, и он совершил невозможное, хотя был очень занят, хотя каждый его день был расписан буквально по часам. Он сел в самолет и прилетел в Ленинград, оттуда — на машине — в Выборг. Началось празднование юбилея. Фрунзик был сражен, увидев полный зал. Он был растроган до слез, но он еще не знал главного секрета, поскольку Ролан приехал накануне поздно вечером и юбиляру не показался. И вот демонстрируется отрывок из фильма Довлатяна «Здравствуй, это — я!» Там есть достаточно страшный эпизод, когда хоронят героя Быкова — Пономарева. И в тот момент, когда на экране выносятся портрет «Пономаря» (в зале — гробовая тишина), живой Ролан поднимается на сцену с огромным букетом. Зажгли свет. Фрунзик совершенно потрясен. Ролан встал перед ним на колени, Фрунзик заплакал, они обнялись. Ролан пробыл в Выборге еще час, потом сел на поезд «Хельсинки — Москва» и уехал. Фрунзик признавался Савве Кулишу, что это был самый счастливый день в его жизни, потому что он понял, что дружба вечна.

А через несколько дней Фрунзика не стало.

КАК АСКОЛЬДОВ УБИРАЛ БЫКОВА ИЗ ПИТЕРА

По словам Саввы Кулиша, одним из потрясенных его жизни стал спектакль Ролана Быкова «Такая любовь»: «Там впервые было рассказано о земной любви. Ролан рассказывал о том, что каждый из нас думал, но вслух тогда нельзя было это произнести. Понимаете, у нас была любовь комсомольская, любовь партийная, Любовь Яровая, но не было — человеческой. И вдруг появилась. На сцене. После спектакля потрясенный зал устроил овацию — на сцену вышел невысокий человек и как-то очень застенчиво стал кланяться. Так я впервые увидел Ролана. Впоследствии я видел его в разных ситуациях, видел, как он блестяще выступал перед залом, в котором сидело пять тысяч человек. А здесь он был смущен. Потом он признался: аплодисменты казались ему незаслуженными. Это странно для человека, уже привыкшего к успеху».

«Я, к сожалению, в то время был чиновником, — рассмеялся кинорежиссер Александр Аскольдов, снявший фильм «Комиссар». (Александр Яковлевич приехал на поминки друга из Германии). — И я имел отношение к этому спектаклю. Я «подписал» его — принял... А потом министр, у которого я работал, сказал, что Быкова хотят направить на профессиональную сцену в Ленинград. Там освободилась огромная бесхозная сцена Театра Ленинского комсомола (Товстоногов ушел в БДТ). Стоит или не

стоит посылать Быкова в Ленинград? Я ответил, что стоит! Быкову — двадцать семь лет, он талантлив, энергичен, он необыкновенно яркий человек. И его отправили в Ленинград. И сразу же оттуда стали поступать «сигналы». Во-первых, об эпикюрействе главного режиссера, во-вторых, о своеволии: он, мол, переписывал пьесы, он оскорблял драматургов. Он поставил пьесу Исидора Штока «Якорная площадь» — может быть, кто-то помнит это имя? — и постановка автору не понравилась. Пьеса была откровенно плоха. Меня послали в Ленинград — снимать с должности главрежа Ролана Быкова. Мы ехали со Штоком в одном купе. Шток мне все время подливал кофийчик и бубнил: «Его надо снять. Это вообще хулиганствующий молодой человек, непонятно как попавший в искусство». А рядом сидел только что возникший в Москве новый главный режиссер Театра Советской Армии Александр Львович Дунаев, который потом ушел на Бронную. Он тоже собирался ставить «Якорную площадь», только в Москве, и видел в Ролане большого конкурента. Так что и он подливал масла в огонь: «Действительно, надо освобождать искусство от таких людей, от самозванцев».

Мы пришли в зрительный зал, сели, все на меня поглядывало вожделенно, потому что я должен был решать, снимать или нет Ролана, я должен был докладывать о нем Толстикову — «первому» в обкоме партии. Я увидел прекрасный спектакль, сделанный из очень плохой пьесы. Там была дивная музыка.

Я учился у Товстоногова и был с ним дружен одно время. Он встретился со мной и сказал о Ролане: «Он вносит в Петербург недопустимую интонацию. Ну, конечно, его надо...» Но я пошел наперекор мнению своего учителя и сказал: «Пусть он работает». Ролан сделал еще один спектакль, а потом ему все это надоело и он оказался в павильонах «Ленфильма» и стал делать с Баталовым «Шинель».

Есть люди, которые нас не отпускают никогда и никогда не уходят...»

МЫ БЕССМЕРТНЫ

«Был такой композитор — Птичкин. Они дружили с Роланом, — вспоминает Савва Кулиш. — Однажды композитор долго разглядывал Ролана и спросил: «Ролан, объясни мне, почему я — такой большой и полный? Птичкин, а ты — такой маленький — Быков?» Ролан ответил мгновенно: «Потому что ты — маленький, а я — большой».

...Лет тридцать пять назад Ролан позвонил Александру Аскольдову и сказал: «Огромное несчастье, мы должны встретиться». «Мы встретились, — вспоминает Александр Яковлевич. — Он мне сообщил: «Я был у врачей. Мои дни сочтены». Я увидел эти озорные, хулиганские глаза и понял, что надо веселиться. Мы поехали с ним в ресторан ВТО (с черного хода), в Елисеевский (тем же путем), набрали полные авоськи продуктов. Приехали со всей этой снедью к Ролану и стали обзванивать друзей. Ролан трагическим голосом объяснял, что его дни сочтены. Собралась толпа гостей. Последним, к шапочному разбору, приехал совершенно потрясенный Александр Григорьевич Зархи, которому сказали, что Ролан уже все... кончается. Весь вечер все мысленно прощались с Быковым. А под конец вечеринки он вскочил на стол, отбил четкетку и объявил: «Я надул вас всех — мы будем жить вечно! Мы бессмертны!»